

Е. С. Яптик

«ДАЧНЫЙ» ЧУМ КАК СТРАТЕГИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕНЦЕВ ЯМАЛА*

АННОТАЦИЯ. В связи с сокращением оленеводов в муниципальных бригадах из-за падежей оленей в тундрах Ямала начался рост безработицы. Общины также вычеркивают из своих списков малооленных ненцев. Из-за массовых падежей оленей, случившихся в 2014 и 2018 гг., и эпидемии сибирской язвы в 2016 г. многие кочевники-олeneводы, потерявшие стада, занялись поисками альтернативных моделей хозяйственной деятельности. Некоторые из них переселились в поселки, другие поставили чумы на берегах рек и озер, в которых еще водится рыба. Эти практики использовались аборигенами во все времена: безоленные ненцы ставили чумы в пределах поселений, затем, нарастив стада, снова возвращались к кочевьям. В статье рассматриваются принципиальные отличия «дачных» чумов от кочевых. Кто и когда их устанавливает, с какой целью? Насколько эти чумы «настоящие»? Можно ли рассматривать «дачные» чумы как будущие площадки для организации самозанятости оседлых аборигенов?

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ямал, Ямало-Ненецкий автономный округ, оседлые ненцы, оленеводы, «дачный» чум, дачная жизнь, нядэ мя

УДК [394+397](511.2)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-1(7)-43-50

ЯПТИК ЕЛИЗАВЕТА СЭРОКОВНА — аспирант, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (Россия, Москва)

E-mail: lizaveta67@rambler.ru

---

* Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 18-05-60040 «Новые технологии и социальные институты коренного населения Российской Арктики: возможности и риски», руководитель Е. А. Пивнева.

ВВЕДЕНИЕ

Глобальное развитие арктического пространства невозможно без изучения уникальных практик выживания коренных малочисленных народов, издревле его населяющих. Выявление и анализ выработанных хозяйственно-экономических технологий аборигенов, изучение практик адаптации к экстремальным условиям является ключом к познанию не только этих сообществ, но и к модернизации и многовариантному их саморазвитию, когда будут действительно гармонично сосуществовать промышленники как носители новейших технологий и хрупкие этнокультуры коренного населения.

Растущая безработица среди оленеводов Ямала, связанная с закрытием муниципальных оленеводческих предприятий и массовыми падежами оленей, случившимися в 2014 и 2018 гг. из-за оледенения пастбищ и в 2016 г. из-за эпидемии сибирской язвы, подталкивает кочевников-оленеводов к использованию альтернативных моделей хозяйственной деятельности. На фоне сокращения и истощения оленьих ягельных пастбищ, случившихся как от перевыпаса, так и от промышленного освоения, мечты о скором возврате к прежнему постоянному кочевому образу жизни кажутся им иллюзорными. Некоторые из них переселились в поселки к детям, другие поставили чумы в окрестностях сел.

Кочевники-ненцы всегда практиковали временные оседлые чумы в летний период. На берегах рыбных озер и рек в таких чумах оставались жить женщины с детьми и старики. Они во главе с одним трудоспособным мужчиной домохозяйства занимались выловом и заготовкой рыбы, в то время как пастухи с женами уходили с оленьими стадами к берегам Карского моря. На Ямале местами оседлого поселения были берега озера Яро-то, реки Юрибей, Морды-Яха и др. Осенью семьи вновь воссоединялись, и аргиши каслали на юг к зимним пастбищам. Это была выработанная стратегия хозяйственной деятельности, когда менее мобильные члены семьи временно изолировались от более мобильных и выносливых, способных двигаться за оленьими стадами в усиленном темпе.

Чумы-дачи — явление современное, ставшее для одних средством выживания, экономическим подспорьем, для других альтернативным местом досуга. Предметом специального исследования «дачные» чумы еще не становились, но о них впервые было упомянуто в книге «Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики», написанной авторским коллективом, проводившем этнологическую экспертизу в Ямальском и Тазовском районах Ямало-Ненецкого автономного округа в 2008–2009 гг.: «Некоторые ненцы из п. Яр-Сале, которые далеко не могут кочевать, выезжают на другую сторону озера, ставят чумы, живут как на даче» (Василькова и др. 2011: 184). Стремление ненцев к «дачной» жизни исследователи связали с тем, что такая жизнь для них «наиболее комфортна».

Эмпирическая часть нашего исследования основана на полевых материалах, собранных в июле-августе 2019 г. в предместьях села Яр-Сале Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа и полученных методом включенного наблюдения, бесед и интервью. При обработке данных выяснилось, что зарождающееся ямальское «дачное» движение имеет параллели с первыми петербургскими дачами XVIII в., когда урбанизированные жители российских деревень не без удовольствия стали осваивать пригороды Петербурга (Конечный 2005; Lovell 2003).

В ходе исследования автор попыталась выявить некоторые принципиальные отличия «дачных» чумов от «настоящих» кочевых: кто и когда их устанавливает, с какой целью, — «нео-экофильные» практики урбанизированных кочевников (Пивнева 2018) и перспективность этих чумов как реальных площадок для организации самозанятости оседлых аборигенов.

«МЫ СВОЙ ЧУМ НАЗЫВАЕМ “ФАЗЕНДА”»

Слово «дача» получило свое первоначальное значение в Петербурге, где «раздавались вокруг Петербурга даром» места под строительство загородных домов (Конечный 2005). На Ямале

«дачные» чумы устанавливают вокруг поселков на сухих местах вблизи водоемов, в которых имеется рыба. На дачной территории может быть как один чум, так и несколько. Селятся чаще по родственному принципу.

Места для установки чумов официально не регламентированы. По нормам обычного права ненцев земля общая, и поэтому каждый волен селиться там, где удобно, по предварительному согласованию с соседями. Но у некоторых дачников уже есть свои излюбленные места, которые они занимают из года в год и с которых никто не имеет права согнать их против воли. Кочевым ненцам было принципиально поставить чум повыше, тем самым дав предупредительный сигнал окружающим, предотвращающий случайное смешение стад. Одни из моих информантов-дачников ставят чум в низине, объяснив это тем, «чтобы поселка не видеть». Такая тактика дает им иллюзию, что они в «настоящей тундре».

Часто малооленных ненцев, отдававших оленей на выпас родственникам и ставивших чумы на берегах крупных водоемов вблизи населенных пунктов, называли *ёдэй тер* (букв. «содержимое земли») (Терещенко 2003: 117). На Ямале, по моему наблюдению, это словосочетание имеет больше отрицательное значение. Возможно потому, что *ёдэй тер* стояли на низшей ступени социальной лестницы тундровых ненцев, так как жили оседло круглогодично. Ярсалинские дачники сегодня называют себя *нядэна* — временно осевший, а свои чумы — *нядэ мя'*. Некоторые в шутку называют такие жилища дачами, другие на манер бразильских сериалов фазендами. Сравнение информантами своих чумов с дачами скорее связано с тем, что они преимущественно живут в них с весны до осени. А. А. и Н. Я. Худи говорят: «Ставим в июне во время отпуска, снимаем в сентябре, когда мокрота начинается» (ПМА 2019).

Основное имущество: шесты и нюки (покрывала на чум), — как правило, вывозятся из поселка заблаговременно еще по снегу, на снегоходе или трэколе. Те, кто не первый год живет дачной жизнью, хранит их в нартах или складировует на паря — деревянном лабазе на ножках, там же на «дачном участке».

ПОЧЕМУ В ЯМАЛЬСКОМ РАЙОНЕ СЛУЧИЛСЯ ДАЧНЫЙ БУМ?

С 2001 г. началась активная застройка села Яр-Сале: произошла замена деревянных тротуаров на бетонные, появились трех-четырёхэтажные капитальные дома, в высаженных парках стали подстригать деревья и газонную траву. Все эти признаки «цивилизации», идущие вразрез с естественным природным ландшафтом, стали одной из причин, подтолкнувшей бывших кочевников-ненцев, называемых в интернете «урбоненцами», к установке летних чумов вокруг населенных пунктов. А. М. Конечный, изучавший историю возникновения петербургских дач, цитирует В. Межевича, рассказывая о причинах наибольшей популярности дач в Петербурге, городе преимущественно каменном, где прогуляться можно только в Летнем саду. Вот откуда стремление петербуржцев к дачной жизни. Эти же эмоции высказывают информанты из Яр-Сале. Л. Худи говорит о «дачной» жизни (Конечный 2005): «Здесь идешь — ноги в мягкую землю наступают, а в поселке — ноги об твердый асфальт наступают. После прогулки приходишь — у тебя все ноги болят» (ПМА 2019). Урбанизированные аборигены ищут в дачах некую отдушину от «благ цивилизации», подчеркивая, что хождение по земле дает им здоровье, комфорт и силу.

Говоря о причинах возникновения таких «дач», конечно, нельзя сбрасывать со счетов и рост национального самосознания коренных малочисленных народов Севера, случившийся в постсоветский период, ознаменованный созданием различных этнических организаций (ассоциаций). Чум, считавшийся в общественном мнении советских людей жилищем «отсталых дикарей» в противовес деревянным и каменным домам, на фоне моды на экологию стал восприниматься жильем, не без участия ученых-антропологов (Головнёв 1995), экологичным, мобильным и совершенным.

Следующий скачок случился после 2014 г., когда на Ямале стали происходить регулярные массовые падежи оленей. Многие «тундровики» остались без оленей и из-за невозможности вести

кочевой образ жизни стали ставить чумы у водоемов вокруг поселков. Эта вынужденная оседлость (*нядэва*) привела к использованию традиционных технологий выжидания оленеводами лучшей участи, когда, нарастив стада, они снова смогут кочевать. Мечта о возврате к кочевой жизни — одна из причин, по которой оседлые аборигены не отказываются от проживания в традиционных чумах, где сохраняются технологии обработки шкур, изготовления одежд и не прерывается связь с землей, макодой (главные шесты чума), символизирующей историю семьи.

ЧУМ ЧУМУ РОЗНЬ

Как замечено в ходе исследования, чум чуму рознь. Чумы осевших кочевников отличаются от чисто «дачных». У чумов тех ненцев, которые осели в поселках вследствие падежа оленей и потери работы, почти всегда стоят до десятка нарт. Эти чумы находятся подальше от поселка — в 15–25 километрах. Часто их владельцы не имеют своего жилья в поселке, зимой ютятся у родственников или живут большой семьей в одной квартире. Вследствие отсутствия квалификации им труднее найти постоянную высокооплачиваемую работу в поселке, поэтому они довольствуются разовой работой: шитье на заказ одежды, выделка шкур, изготовление нарт. Осевшие оленеводы раньше других переезжают в чумы-дачи и позже закрывают «дачный» сезон. Единицы пользуются чумами круглогодично. Основа этих мобильных жилищ: шесты и нюки из кочевой жизни, потемневшие от копоти. Оттуда же вся утварь: половые доски, травяные циновки, ивовые подстилки хунер и т.д. Эти чумы являются прежде всего средствами выживания и самообеспечения для своих хозяев.

Второй тип чумов принадлежит оседлым ненцам, имеющим в поселке жилье, постоянную работу, часто квалифицированную, подкрепленную образованием. Около этих чумов, устанавливаемых только на лето, часто отсутствуют нарты или стоит пара-тройка новых нарт и деревянная *наря* (лабаз). Жилища от кочевых отличаются и внутренним убранством. Первое, что бросается в глаза, просторность чумов вследствие минимума вещей. Замену половых досок линолеумом хозяева объясняют его гигиеничностью, и «тундра не портится». Из тех же принципов, «чтобы землю не портить», используются печки или металлические тазы под костер. Соблюдение хозяевами чистоты на территории: использование сливных ям, мест для туалета, сжигание горючего мусора, вывоз крупного мусора в поселок, — вызвано стремлением к первозданной природе, в которой не должно быть «следов цивилизации». Хозяин одной из таких дач запретил супруге даже вырубку близрастущих кустов, чтобы «красоту не нарушать». Соблюдение экологических норм для дачников оказалось настолько важным, что иногда это приводит к локальным конфликтам. Мой информант из поселка возмущался тем, что родственники-дачники давали ему указания, где мусорить, а где в туалет ходить. Он теперь называет эти чумы «ненастоящими», потому что там ограничивают его свободу (ПМА 2019). Экофильные нормы дачников, через которые они стараются подчеркнуть не только особую связь с природой, но и «единство с этнической группой» (Арутюнов 1979; Пивнева 2018), локализует пространство дачного стойбища. Кочевое стойбище ассоциируется многими не только со свободой выбора места для чума, но и свободой всего жизненного цикла, режима, рода занятий и поэтому воспринимается как более «настоящее».

Исследователи дачной жизни пишут, что наличие дачи у человека значило, «что он богат, силен и знатен» (Конечный 2005). На примере Ямала нельзя однозначно утверждать, что «дачный» чум является предметом престижного потребления. Чум, по оценкам некоторых ненцев, стоит от 300 до 500 тыс. руб. (Кому чум по карману 2017). Учитывая, что чумы ставят те, кто еще не потерял навыков изготовления шестов и шитья нюков, нашим «дащикам» они обходятся в несколько раз дешевле. Информант Н. Я. Худи рассказал, что два года строгал шесты. Его супруга шила нюки из брезента (ПМА 2019).

Жизнь в дачном чуме стала альтернативным видом отдыха для многих, кто не имеет возможности выезжать за пределы региона на лето. Но вместе с тем возможность выбора вида отдыха — это

тоже признак определенного статуса. Первыми осознанно стали использовать чумы как дачи представители национальной интеллигенции, детство которых прошло в тундре. Им важно было таким образом маркировать свою этническую идентичность. Пример этому чумы, которые стоят в окрестностях города Салехарда. Стойбища ханты и ненцев, воспринимаемые самими аборигенами скорее как «игровые» (Кережи 2010), нередко посещают как горожане, так и заезжие туристы, жаждущие экзотического отдыха с этническими элементами. Если «дачные» чумы в поселках призваны служить альтернативной моделью организации жизнедеятельности, то хозяева пригородных чумов используют их для репрезентации этнической культуры и традиций и как дополнительный источник дохода.

АДАПТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Что еще отличает «дачный» чум от тундрового кочевого? Кроме линолеума, здесь обращают на себя внимание приставные двери — *пад нё*. Часто это полотно из брезента или дорнита примерно 2,5 на 3 метра, в середину которого вшит прямоугольник из тюля или полиэтилена. В теплые дни на открытый вход чума устанавливается *пад нё* с тюлем, для поступления дневного света, защиты от комаров и циркуляции воздуха. Когда зной спадает, используется *пад нё* с целлофаном, чтобы не выходило тепло.

Еще одно нововведение, продиктованное законами кочевого минимализма, — это печка-ведро. В металлическом десятилитровом ведре вырезается у нижнего края небольшое отверстие-поддувало. В ведро закладываются дрова, поджигаются, а сверху ставится чайник. Удобство этой печи в экономичности: чайник закипает с одной закладки небольшого количества дров. А также его можно использовать как дымокур от комаров и коптильню. В случае чрезмерно задымления чума ведро можно вынести на улицу. При разведении огня в ведре не выжигается земля.

Женщины в чуме часто для раздувания огня используют специальную полую металлическую трубку (из лыжной палки) длиной около 30 см. Ее удобство в том, что не надо наклоняться к костру, рискуя обжечь волосы, а в момент задувания пепел не разлетается в стороны.

Здесь как нигде практикуется применение предметов, уже вышедших из обихода. К примеру, из пластиковых бутылок вырезают умывальники и коробки для зубных паст и щеток. В одном чуме нам показали холодильник, сделанный из пенопропиленового короба от вакцин (от сибирской язвы). В закопанном в землю коробе хранят скоропортящиеся продукты, обкладывая их бутылками со льдом, привезенными из поселка. Сверху холодильник дополнительно изолируется шкурой оленя.

Во многих чумах используют электрогенераторы — для света и просмотра телевизора. Для подзарядки телефонов кто-то применяет солнечные батареи. В чуме А. П. и Л. А. Худи-Тохоя генератор не заводят осознанно. Полярное лето обеспечивает светом, а «телевизор отвлекает... Если будет генератор, дети гулять не будут: будут мультики смотреть или планшеты» (ПМА 2019).

СВЯЩЕННЫЙ ШЕСТ И «ВЫГУЛ» ДУХОВ

При всем разнообразии нововведений в дачных чумах соблюдаются этические нормы, характерные для кочевых ненцев. К примеру, вход чума направлен на восток «в сторону солнца». Туда же направлены копылья нарт. У одного из чумов с «чистой» стороны стояла священная нарта *хэхэ 'хан*, на наличие которой указал сам хозяин. Думаю, это был жест, демонстрирующий, что здесь все «по-настоящему». В другом чуме мне показали домашних духов — *мяд 'пухуця*. У народов Севера они приравниваются к живым существам, поэтому должны находиться с хозяевами и жить их жизнью, одновременно оберегая их и жилище (Кережи 2010). Выезд на дачу — повод «выгулять» духов, которые также истосковались по тундре, чистому воздуху и чуму. Хозяйка одного чума рассказывает: «В поселке спишь и с дивана встаешь — тут болит, там болит, голова

болит, тяжелая. В тундре лег спать — когда проснулся, у тебя ничего не болит. С другой стороны, и мех лечит, и воздух лечит. Машины не пахнут» (ПМА 2019). Такой же дискомфорт в поселке чувствуют и окружающие человека духи-хранители, также нуждающиеся в отдыхе.

Пространство дачного чума, как и кочевого, делится на мужскую и женскую части. Мужская сторона определена священным шестом сымзы, который не обходят вокруг женщины. Женская обувь хранится около входа. Нередко в этих чумах организуются ритуальные очищения дымом из шкурки бобра и оленьего жира. Младшие члены семьи, выросшие в поселке, часто нарушают пороги дозволенного в чуме: то девушки с ногами на постель залезут, то перешагнут через мужские вещи. Взрослые к такому поведению относятся лояльно, но используют момент для рассказов о традиционных этических правилах тундровой жизни.

«НАСТОЯЩИЕ» ДЕЛА В «НЕНАСТОЯЩЕМ» ЧУМЕ

На вопрос о том, для чего поселковым ненцам нужны чумы, информанты прежде всего подчеркнули их важность для выполнения некоторых работ. Женщины находят, что в чуме необходимый температурно-влажный климат, который способствует качественной выделке оленьих шкур. А. А. Худи рассказывает, что только здесь шкуры выделывает. Л. А. Тохоля (Худи) говорит, что «в поселке невозможно шкуру выделывать. В поселке выскребешь шкуру, потом вывезешь в тундру, а она как сердитая. Малица из такой шкуры не будет к телу прилегать, будет стоять. А шкура, выделанная в чуме, зимой будет мягкая, шелковистая и будет прилегать к телу. Здесь шкура сушится от свежего воздуха, а в поселке сохнет от батарейного, ненастоящего тепла». И еще: «Когда шьешь в поселке — то, что шьешь сухое и *тэмбой* (сухожилия) тоже, шов ложится неплотно, получается раскрытый. А то, что в тундре сшил — шва незаметно, и будет казаться как одно целое» (ПМА 2019).

Наличие в чуме открытого огня, источающего дым, тоже важный компонент для обработки оленьих шкур и лап: «Сырая шкура, которая висела над дымом, у ней мездра будет хорошо отходить при выделке» (ПМА 2019). Получается, что дачный чум — это необходимый компонент хозяйственной деятельности ненцев, возможность качественно заниматься теми работами, которые им были привиты предками. Только в чуме можно изготовить «несувенирные», т. е. настоящие, малицу и кисы, качество которых будет соответствовать условиям суровой природы Арктики.

Мужчины также в чумах занимаются «ненецкими» делами. Н. Худи рассказал: «Я в прошлом году нарту сделал. В этом году заготовки приготовил — тоже хочу нарты сделать». Поселковый сарай по своим размерам не позволяет ему изготавливать такие крупные вещи, как нарта. А здесь даже деревянная стружка используется как топливо. «Мне чум нужен: поделки делать, ножи, нарты, сети ставить» (ПМА 2019). Другой дачник продлил свой дачный сезон только потому, что не успевал сплести аркан из кожи, при изготовлении которого также требуется определенный уровень влажности.

Первые дачи в России были близки их владельцам еще и потому, что «здесь можно освободиться от тягот жестко регламентированной службы и не столь строго соблюдать обязательные этикетные формы общения» (Конечный 2005: 446). То же говорят и ямальские «дачники»: «Суета поселковая надоедает, деньги тратятся. А здесь не надо одеваться, а дома — в одном, в магазин или куда — в другом. А здесь вышел в чем ты есть»; «Дачный чум — отдых от поселка, нету графика, забываю какое число, время, нет магазинов, денег не надо» (ПМА 2019). Экономичность дачного чума для семейного бюджета подчеркивают многие: здесь не надо платить за коммунальные услуги. Пойманная рыба, собранные ягоды и грибы обеспечивают пищевое разнообразие и способствуют сокращению затрат. Траты на бензин для заправки лодок часто компенсируются платным извозом поселковых грибников-ягодников.

Для детей дачный чум это не только альтернативный отдых, но и возможность обретения новых навыков и знаний. Д. Г. Худи (7 лет) так охарактеризовал лето в чуме: «Мне нравится, что

это здесь можно рубить костер (дрова), зажигать огонь, разжигать костер, дрова таскать, в палатке спать, бегать, машин нет, лес вокруг, красиво, всякие деревянные игрушки делать, из лука стрелять. Птичек ловить, с животными играть. Еще зайчика видели сегодня» (ПМА 2019).

Жители поселка, выезжающие на природу для сбора ягод и грибов, не совсем одобряют дачные чумы, занявшие их места традиционного отдыха. Во-первых, «там уже нечего собирать», а во-вторых, не все дачники соблюдают нормы экологии. Бывшие оленеводы, живущие оседло первый год, не освоившие экофильные нормы урбанизированных ненцев, оставляют на местах летних стоянок пластиковый мусор, стекло и предметы гигиены.

ВЫВОДЫ

Практики использования ненцами *нядэ мя'* — оседлых чумов — это их традиционная хозяйственная технология. Она оказалась актуальна особенно сегодня, когда оленеводы Ямала в силу многих обстоятельств остались без оленей. Если для кочевников, потерявших стада, «дачный» чум — это средство выживания и постепенной адаптации к поселковой жизни, то для «урбоненцев» — поселковых аборигенов — это отдушина, уход от цивилизации на природу, к традиционному образу жизни. Как оказалось, этот отдых нужен не только им, но и их домашним духам-хранителям *хэхэ* и *мяд пухуця*.

При всем том, что в новых чумах используются технические средства, такие как электрогенераторы, телевизоры, новые материалы (линолеум, ведра-печки и т.д.), пространственное разделение чума остается традиционным: в нем соблюдается деление на мужскую и женскую стороны, проводятся ритуалы по очищению.

Дачный чум, являясь экономическим подспорьем и местом досуга коренных малочисленных народов Ямала, оправдывает свое существование тем, что только в нем возможно изготовление «настоящих» предметов ненецкого быта: деревянных нарт, кожаных тынзянов-лассо и традиционной одежды. Он является для осевших ненцев площадкой для самозанятости и самообеспечения. Опыт организации этнических стойбищ вокруг городов демонстрирует востребованность этно- и экотуризма, и поэтому «дачные» чумы вполне могут стать площадками для этого вида отдыха, принося их хозяевам доход.

Ненцы, называвшиеся *ёдэй тер*, жили в оседлых чумах в надежде, что они обретут оленей и после опять пустятся в долгие кочевья по просторам тундры. Урбанизированные ненцы ставят каждое лето «дачные» чумы вокруг населенных пунктов в надежде не потерять свои истоки, навыки, связь со своей землей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Полевые материалы автора. Июль-август 2019 г., село Яр-Сале Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа.

Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 24–60.

Василькова Т. Н., Евай А. В., Мартынова Е. П., Новикова Н. И. Коренные малочисленные народы и промышленное развитие Арктики (этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). М.; Шадринск, 2011.

Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Кережи А. Традиции и инновации в культуре городских и сельских хантов // Этнокультурное наследие народов Севера России. К юбилею доктора исторических наук, профессора З. П. Соколовой / отв. ред. Е. А. Пивнева. М., 2010. С. 121–132.

Конечный А. М. Петербургские дачи // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 444–452.

Кому чум по карману? URL: <https://ks-yanao.ru/obshchestvo/komu-chum-po-karmanu.html> (дата обращения: 17.11.2019).

Пивнева Е. А. «Природу в квартиру не запинешь»: о некоторых этнических маркерах у обских угров г. Ханты-Мансийска // Социальная антропология города / под науч. ред. Е. А. Окладниковой. СПб., 2018. С. 57–70.

Терещенко Н. М. (сост.). Словарь ненецко-русский. СПб., 2003.

Lovell S. Summerfolk. A History of the Dacha, 1710–2000. Ithaca; London, 2003.

CHUM — DACHA (SUMMER TIPI) AS A STRATEGY OF ECONOMIC ACTIVITY OF THE NENETS OF YAMAL

ABSTRACT. Today, due to a decrease in the number of reindeer herders in municipal brigades and to the reindeer mortality, unemployment has begun to increase in the tundra of the Yamal Peninsula. Indigenous economic units (communities) also tend to “delete” Nenets, who have few reindeer, from their lists. Due to the massive reindeer plagues that occurred in 2014 and 2018 and the anthrax epidemic in 2016, many nomadic reindeer herders who have lost herds have been searching for alternative models of economic activity. Some of them moved to villages, while others put up *chum-dacha* on the banks of rivers and lakes, where fish is still found. These practices have been used by the Nenets at all times—having lost their reindeer, the Nenets placed *chum* near settlements, and then, increasing the number of livestock, again “got to their feet” and returned to nomadic migrations. The article describes some of the fundamental differences between the *chum-dacha* and the *nomadic chum*, discussing who and when sets them and for what purpose. How “true” are these *chum*? Is it possible to consider the “summer tipi” as future platforms for organizing self-employment of the settled indigenous people?

KEYWORDS: Yamal, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, sedentary Nenets, reindeer herders, summer tipi — *chum-dacha*, natural life, *nyade mya*

ELIZAVETA S. YAPTIK — PhD student, N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

E-mail: lizaveta67@rambler.ru